

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/VEFQJH>
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)53

«ПИСЬМО С НАТУРЫ»: АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ В РАННЕЙ ПРОЗЕ И.А. БУНИНА

© 2023 г. Е.Р. Пономарев

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия;
Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия
Дата поступления статьи: 08 февраля 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 20 марта 2023 г.
Дата публикации: 25 сентября 2023 г.*

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-148-167>

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-18-00347 «Раннее творчество И.А. Бунина: поэзия, проза, критика,
публицистика, переводы (1883–1902 гг.)»*

Аннотация: В статье пересматривается традиционная точка зрения о незрелости и несостоятельности раннего творчества И.А. Бунина. На основе новых материалов (собранного Буниной группой ИМЛИ РАН полного корпуса ранней буниной прозы) автор утверждает, что в произведениях Бунина конца 1880-х – начала 1890-х гг. почти нет свойственных эпохе литературных штампов. От них молодого Бунина избавляет «письмо с природы» — живые зарисовки, жанровые сценки, точная передача разговоров. Одной из важнейших составляющих «письма с природы» стал автобиографический материал: изображение родственников как особых «типов» (более в тургеневской манере, чем в современном для Бунина плане народнической социологии), а также зарисовок собственного детства, любовных историй и т. д. Приведя примеры автобиографического материала в ранней прозе Бунина и рассмотрев приемы его использования в текстах, автор приходит к выводу: раннее творчество Бунина глубоко самостоятельно, а сформировавшаяся в первое десятилетие писательства «натурная» поэтика сохранится у Бунина и в дальнейшем.

Ключевые слова: И.А. Бунин, раннее творчество, автобиографизм, поэтика, литературные влияния, творческий генезис.

Информация об авторе: Евгений Рудольфович Пономарев — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; профессор, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, наб. р. Фонтанки, д. 15, 191011 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5508-6532>

E-mail: eponomarev@mail.ru

Для цитирования: Пономарев Е.Р. «Письмо с природы»: Автобиографический материал в ранней прозе И.А. Бунина // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 3. С. 148–167. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-148-167>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 8, no. 3, 2023

“LETTERS FROM NATURE”: AUTOBIOGRAPHICAL MATERIAL IN THE EARLY PROSE OF IVAN BUNIN

© 2023, Evgeny R. Ponomarev

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; F.M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy, St. Petersburg, Russia

Received: February 08, 2023

Approved after reviewing: March 20, 2023

Date of publication: September 25, 2023

Acknowledgements: The reported study was supported by the grant of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00347 “Early work of I.A. Bunin: poetry, prose, criticism, journalism, translations (1883–1902).”

Abstract: The article reviews the traditional point of view about the immaturity and inconsistency of Ivan Bunin. On the basis of the new materials (complete corpus of Bunin’s early prose collected by the Bunin group of IWL RAS), the author claims that there are just a few literary clichés in the Bunin’s works of the late 1880s – early 1890s. Young Bunin is relieved of them by “writing from nature,” i. e. live sketches, genre scenes, accurate recording of conversations. Autobiographical material was one of the most important components of the technique “letter from nature,” i. e. the depiction of the relatives as special “types” (more in the Turgenev’s manner than in narodnik sociological plan), as well as the sketches of his own childhood, transformed love stories, etc. After citing examples of autobiographical material in Bunin’s early prose and considering the methods of its use in the texts, the author comes to the conclusion that Bunin’s early work is deeply independent, and Bunin’s “natural” poetics, formed in the first decade of his writing, influenced his poetics in the future.

Keywords: Bunin, early activity, autobiographic narrative, poetics, literary influence, creative genesis.

Information about the author: Evgeny R. Ponomarev, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Professor, F.M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy, Fontanka Emb. 15, 191011 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5508-6532>

E-mail: eponomarev@mail.ru

For citation: Ponomarev, E.R. “Letters from Nature’: Autobiographical Material in the Early Prose of Ivan Bunin.” *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 3, 2023, pp. 148–167. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-148-167>

Раннее прозаическое творчество И.А. Бунина лишь начинает изучаться по-настоящему. В советское время оно практически не рассматривалось исследователями, поскольку считалось — с легкой руки самого Бунина, нередко высказывавшего эти мысли, — незрелым и несамостоятельным [1, с. 636–637]. Художественная незрелость для советской науки означала и незрелость идеологическую: близость молодого Бунина народническому кругу (в силу литературных и личных связей его старшего брата Юлия) служила дополнительной причиной не изучать поэтику его ранних рассказов. Молодой Бунин как писатель-народник не укладывался в общую схему советского литературоведения, использованную для интерпретации бунинского творчества: реалист, честно показавший распад дореволюционной деревни.

Ранняя проза Бунина была впервые прочитана всерьез в 1980–1990 гг. Сначала Н.М. Кучеровский [2], а затем (значительно более развернуто) Ю.В. Мальцев [3] предложили новый взгляд на рассказы первой половины 1890-х гг. — ретроспективный. В раннем творчестве Бунина они увидели не столько отражение народнических идейных парадигм (которые, с их точки зрения, присутствуют в тексте постольку-поскольку, неярко и вынужденно), сколько мировоззренческие черты зрелого Бунина, существенно отличающие его от писателей из народнических журналов.

Приступая к работам по гранту «Ранний Бунин», Бунинская группа ИМЛИ РАН полагала, что эти установки прошлого века следует пересмотреть. Вероятно, влияние народничества на Бунина было значительно сильнее; кроме того, круг чтения Бунина должен включать не только писателей-народников, но шире — властителей дум 1870–1880 гг.: от С.Я. Надсона до К.М. Фофанова, от Л.Н. Толстого до А.И. Эртеля и В.Г. Короленко.

Впрочем, тезис Ю.В. Мальцева о том, что уже ранний Бунин — развивая традиционно народнические темы — заговорил ни на что не похожим собственным голосом (с оговорками по поводу литературной техники, которой писатель учился постепенно), подтверждается новым материалом¹. Так, на мотивно-тематическом уровне ранней бунинской прозы почти нет народнических штампов². Зато писатель активно использует «письмо с натуры»: сюжетами его первых произведений нередко становятся непосредственные жизненные наблюдения, и именно эта «живая натура» освобождает текст от общих мест, характерных для «интеллигентской литературы» 1880-х гг.

Например, рассказ «Первая любовь» (1890) — тема произведения станет важной для всего дальнейшего творчества Бунина — весь наполнен живыми диалогами подростков, яркими сценками бедного помещичьего быта, картинами провинциального города. Не менее живо звучит, казалось бы, проходной эпизод: главный герой отправляется с дядей в город и встречает мужицкий обоз. Возчики едут тихо и сонно, лишь один мещанин от скуки ругается со стариком, едущим за ним. Этот диалог, вероятно всего, точная запись крестьянской речи; пример речевого жанра «переругивания»:

— Посмотрим, долго ли ты продержишься у самого-то, — говорил мещанин, выплевывая подсолнухи и болтая ногами. — Посмотрим!

— Небось! — отвечал старик злобно и хрипло, — небось! Уж если тебя мошеника держат..

— Меня-то будут держать! — перебивал мещанин.

1 Ю.В. Мальцев не рассматривал в своей монографии ранние прозаические опыты Бунина конца 1880-х – начала 1890-х гг., к которым писатель позднее не возвращался. В рамках проекта «Ранний Бунин» впервые собран воедино весь корпус прозаических текстов писателя, который позволяет представить целостную картину ранней прозы.

2 Чуть не единственный (помимо традиционных противопоставлений жизни дворян и жизни крестьян) штамп такого рода обнаруживаем в переходном ко второму этапу творчества рассказе «Без роду-племени»: «Общество переживало тогда глухое время. Старшие братья сыграли свою роль и разбрелись по белу свету. Младшие — одни не хотели, другие не чувствовали себя в силах продолжать их оборвавшуюся деятельность. Общественная жизнь замерла... И для меня потянулись одинокие дни без дела, без цели в будущем и почти в нищете» [6, с. 29–30]. В последующих публикациях этот пассаж был автором снят.

— Все этаких чертей держат, — возражал старик.

— «Чертей»! — передразнил мещанин гнусливо, — «чертей»! Слезь, дьявол, высморкайся! Загундосил.

— Сам высморкайся! — повторял старик.

— Енот, дьявол! — не унимался мещанин.

Старик страшно обижался, вскакивал и кричал:

— Я не енот, а крещеный человек! Ты сам енот! — Но мещанин опять перебивал его... [12, № 27, с. 2].

Столь же натурны два эпизода «очерков из жизни обездоленных» «Божьи люди» — «Дементевна» и «Судорожный» (1891) или «очерки из жизни елецких помещиков» «Мелкопоместные» (1892). Авторское определение жанра «очерки», применяемое к этим текстам, употреблено с коннотациями «невыводимая история», «точная зарисовка»³.

К «письму с натуры», на которое опирается молодой писатель для выработки собственного голоса, следует отнести и богатый автобиографический материал, представленный в ранних рассказах.

Первым текстом такого рода стал «очерк» (авторское жанровое определение) «Шаман и Мотья» (1890), в котором дан «тип» (более в тургеневской манере, чем в современном для Бунина плане народнической социологии) полусумасшедшей барыни, из-за гордости и бесхозяйственности ставшей заложницей своего работника Мотьи. По целому ряду деталей можно с уверенностью судить, что прототипом главной героини стала тетка писателя по отцу Варвара Николаевна Бунина⁴. В рассказе Олимпиада Марковна не родственница повествователя, а соседка; кроме того, автор подписался в «Орловском вестнике» не своей фамилией, а прозрачным

3 Жанровые ориентиры ранней прозы И.А. Бунина чрезвычайно интересны, но требуют отдельной статьи. Первая попытка рассмотреть жанровый генезис и сюжетологию раннего Бунина предпринята нами в 2022 г.: [4].

4 О Варваре Николаевне Буниной сказано в двух местах «Жизни Бунина»: в самом начале дан ее портрет и основные черты биографии (включая полонез Огинского, который она играла жениху-офицеру перед тем, как отказать ему), а затем в конце пятой главы приведена цитата из составленных в эмиграции записок княгини М.В. Голицыной (урожд. Рышковой), троюродной племянницы И.А. Бунина, знавшей всех его родственников. Голицына рассказывает о внешности и некоторых чудачествах Варвары Буниной, но оговаривается, что видела ее лишь в глубокой старости. С.Н. Морозов предполагает, что Шаман — реальное прозвище Варвары Буниной. Автор статьи благодарит С.Н. Морозова за это указание, как и за иные полезные советы, данные автору в ходе работы над статьей.

(создан из девичьей фамилии матери с сохранением инициалов) псевдонимом «И.А. Чубаров». Эти моменты, думается, были призваны отделить литературный «тип» помещицы от реального прототипа, неплохо знакомого некоторым читателям «Орловского вестника». При этом автобиографичность осмысливается Буниным как один из повествовательных приемов. Во-первых, повествователь носит авторское имя, которое проявляется единственный раз и дается в середине текста внезапно, как элемент ребуса для посвященных:

Олимпиада Марковна вдруг ни с того ни с сего обращает свой взор на меня и как-то по-детски восклицает:

— Ах, какой красавец Ваничка-то стал! [18, № 151, с. 2]

Во-вторых, повествователь занимается тем же, чем и сам автор, — печатает в газетах стихи:

— <...> Ты теперь, говорят, во всех газетах пишешь.

— Так вы бы попросили, я сам могу дать.

Олимпиада Марковна вдруг злобно швыряет рукопись и подымается.

— Да мне и не нужны твои паршивые стихи! — говорит она пренебрежительно. — Ты думаешь, что ты теперь вправду Аполлонский! [18, № 151, с. 2]

О поэтическом таланте повествователя (под Аполлонским подразумевается знаменитый поэт Я.П. Полонский, как объяснено дальше) тоже сообщается лишь однажды и тоже косвенным образом. Однако повторение приема (дана следующая часть ребуса — еще один автобиографический признак, позволяющий угадать автора за псевдонимом) уже позволяет говорить об автобиографичности как осмысленной стратегии. Третьей частью ребуса становится родственно-панибратский разговор отца повествователя и самого повествователя с Олимпиадой Марковной, которая считается дальней родственницей семьи, но в близком родстве с отцом повествователя (в отличие от прототипа) не состоит⁵.

5 Еще один элемент автобиографического нарратива — упоминание деревушки Бутырки, в которую Олимпиаду Марковну маленькой девочкой увезла тетушка. На хуторе с названием Бутырки Ваня Бунин провел все свое детство (семья жила там с 1874 г. до весны 1883 г.).

Многие мотивы из описания Олимпиады Марковны (старая дева, заболевание «тоскою», знахари, поездка в Задонск, «Змий Едемский и Иерусалимский»; в варианте Полного собрания сочинений 1915 г. все это будет снято, но и там останутся от первоначального описания французские басни, которые она твердит еще с пансиона — с блаженной физиономией и закатывая глаза, а также игра на фортепьяно и полонез Огинского) перейдут эпизодической героине рассказа «На хуторе» (1892–1893⁶) — сумасшедшей тетке главного героя. А затем — тете Тоне из «Суходола». Игра на автобиографичности мотивно-тематической структуры текста (в дальнейшем — значительно более сложная) будет свойственна всему творчеству Бунина. Важность многих «типов», увиденных им среди родственников и знакомых, писатель будет ощущать и в дальнейшем. Если в раннем творчестве эти «типы» подаются большей частью как колоритные уникамы, то в зрелом творчестве Бунин сделает упор на их значимости для понимания национального характера, дворянского сословия, ушедшей эпохи.

В «очерки» «Мелкопоместные» (1892) введены два ярких мотива, которые легко идентифицируются как автобиографические, — полагаем, что автобиографических и «натурных» мотивов в этом объемном прозаическом отрывке (с нашей точки зрения, именно так следует характеризовать жанр «Мелкопоместных») значительно больше, но многие из них не могут быть доказаны каким-то биографическим свидетельством или документом. Так что остается держать в уме, что мы замечаем лишь малую толику автобиографического материала.

Первый развернутый мотив вновь, как в «Шамане и Мотьке», представляет собой фиксацию «типа» — это фигура Якова Савельевича Матвеева, резкого, вспыльчивого гордеца, но исключительно честного и доброго человека. Яков Савельевич происходит из хорошей и богатой семьи, но по собственной гордости потерял право на наследство, поэтому вынужден вести жизнь приживала. Он бывший учитель повествователя. Прототип Якова Савельевича — домашний учитель Вани Бунина Николай Осипович (Иосифович) Ромашков (см.: [16, с. 17–19]), некоторое время живший у Буниных

Впрочем, полагаем, что в то время этот дополнительный элемент ребуса прочитывался только семьей молодого писателя.

6 Уточнение авторской даты принадлежит С.Н. Морозову.

и подготовивший мальчика в гимназию⁷. Большинство характерных черт Ромашкова много лет спустя унаследует еще один персонаж Бунина — Баскаков, домашний учитель Арсеньева из романа «Жизнь Арсеньева». Подробности жизненных историй у Матвеева и Баскакова незначительно разнятся (так, Матвеева обделил отец в своем завещании, а Баскаков поругался с братом во время раздела наследства; Матвеев пишет стихи, а Баскаков нет и т. д.), но черты, формирующие «тип», едины.

Второй автобиографический мотив проступает в разговоре после молебна, который ведут гости мелкопоместного богача Капитона Николаевича:

— А вот, в бытность мою на Кавказе, — начал вдруг Нил Лукьянович, — я в декабре еще цветочки рвал.

Дьякон и тут нашелся:

— Да, — сказал он, — в южных странах совсем не то.

— В Севастополе, — подхватил весело Уля, — небось теперь еще пыль в городе [9, № 331, с. 3].

Фраза о Севастополе и «цветочках» здесь разложена на две реплики разных героев. Изначально она принадлежала отцу Бунина, но зафиксирована как отцовская лишь в одном тексте — романе «Жизнь Арсеньева»:

<...> еще в младенчестве слышал я как-то зимой слова отца:

— А мы, бывало, в Крыму, в это время цветочки рвали в одних мундирчиках! [7, с. 238]

Несмотря на то, что перед нами текст романа, мы можем с определенной оговоркой воспринять его как документальное свидетельство. «Жизнь Арсеньева», как правило, автобиографически точна именно в мелочах. Мы знаем, что целый ряд отцовских фраз (большой частью афористичных) Бунин запомнил на всю жизнь и воспроизводил в разных текстах (как в автобиографических заметках и записях, так и в художественных произведениях). Кроме того, эта же фраза повторяется в рассказе «Байбаки» (авторская

⁷ Подробности жизни Ромашкова см. у В.Н. Муромцевой-Буниной в «Жизни Бунина» (раздел 2 первой главы).

датировка: 1895; первая публикация: 1896; первоначальный подзаголовок: «Из быта мелкопоместных» связывает рассказ с более ранними «Мелкопоместными») именно в этом виде:

— Да, — продолжает Ковалев монотонно. — А ведь, помните, мы под Новый год когда-то цветочки рвали в одних мундирчиках! Под Балаклавой-то... [13, с. 86]

Рассказ «Байбаки» наполнен мотивами, заимствованными у отца писателя, о чем будет сказано ниже. Таким образом, по сумме признаков атрибутируем эту фразу как автобиографическую, переходящую из текста в текст. Здесь перед нами другой прием поэтики: удачная фраза, стремящаяся к афористическому значению, меняет разные контексты, но сохраняет при этом собственную семантическую замкнутость⁸.

В рассказе «Помещик Воргольский» (1892), где зафиксирован еще один «тип» (напоминающий гоголевского Ноздрева), обращает на себя внимание новая цепочка автобиографических черт, которая (как в «Шамане и Мотыке») может быть воспринята как игра со знающим читателем — биографический ребус. Повествователя зовут Иван Алексеевич. Он приехал к себе на хутор из Харькова, в котором то ли учится в университете, то ли просто живет (сам Бунин в 1889 г. несколько раз ездил в Харьков к Ю.А. Бунину). В разговоре с другим гостем Воргольского обсуждается толстовство, повествователь то ли в шутку, то ли всерьез именуется страстным последователем Толстого:

— Вы, кажется, ярый последователь теории Толстого? — все хотите делать сами, — пошутил Сергей Сергеич, когда я вернулся.

— Страстный! — ответил я в том же тоне [14, № 145, с. 2].

Бунин увлекся толстовством как раз в этот период (1892–1894 гг.), но симпатии по отношению к учению Толстого возникли у него несколь-

8 Нам уже приходилось сравнивать некоторые элементы писательской техники зрелого Бунина с писательской техникой С.Д. Довлатова [5, с. 9, 62]. На этом примере видим, что один из этих элементов — «свободная цитата», используемая независимо в разных контекстах разных произведений, — появляется уже в раннем творчестве Бунина.

ко раньше. Таким образом, сразу несколько автобиографических деталей заставляют воспринимать (скорее всего) выдуманно-литературного помещика Воргольского (фамилия образована от названия реки Воргол, которая сыграла значительную роль в романе Бунина с В.В. Пашенко⁹) как реальную личность¹⁰.

Начав печататься в столичных журналах, Бунин изменил стратегию использования автобиографических материалов в художественных текстах. Во многих рассказах стали появляться отдельные детали из хорошо знакомых Бунину сфер жизни. В текст они стали попадать не цельными «типами», а дозированно, штрихами — как детали-украшения, не имеющие принципиально-сюжетного значения, но придающие повествованию точность и объемность.

Например, рассказ «Вести с родины» (первоначальное заглавие «Неожиданность»; авторская датировка: 1893; первая публикация: 1895) начинается на собрании сельскохозяйственного общества. Герой рассказа дворянин Дмитрий Волков, вероятно, состоит членом этого общества (он учится в агрономическом институте¹¹). Сам Бунин, хотя никогда не входил в сельскохозяйственные общества, на собраниях такого рода бывал в Орле как корреспондент «Орловского вестника». Об этом косвенным образом сообщается в рассказе «Без роду-племени» (первоначальный подзаголовок: «Из повести о современных людях»; авторская датировка: 1897; первая

9 На берегу реки Воргол, примерно в 10 верстах от Ельца, располагалось имение А.Н. Бибикова, с которым Бунин был дружен с 1889 г. В середине апреля 1890 г. [16, с. 68] Бибиков пригласил Бунина, в его имении гостила и Варвара Пашенко. Во время этого посещения Бунин очень сблизился с Пашенко. В августе 1890 г. [16, с. 74] Бунин вновь, как и Пашенко, был в гостях в имении Бибикова на Ворголе. В ночь с 12 на 13 августа Бунин и Варвара Владимировна объяснились в любви. Две ночи (весны и лета) позднее слились в одну в сюжете «Жизни Арсеньева».

10 В проходном, по сути, толстовском мотиве этого рассказа возникает еще один сюжет, смысла которого не мог ощутить молодой Бунин, но который мог оценить Бунин поздний, — это биографическое совпадение или литературно-биографическая игра, которую ведет с писателем судьба (такие смыслы судьбы много занимали В.В. Набокова). В рассказе обсуждается новая книжка барона Р.А. Дистерло «Толстой как художник и моралист». Внучка автора этой книги баронесса Елена Юрьевна Дистерло молодой девушкой будет бывать в парижской квартире Буниных в 1940–1950-е гг. как лучшая подруга О.А. (Олечки) Жировой, во многом заменившей Буниным дочь.

11 В земледельческой школе в Харькове некоторое время (не окончив курса) учился А.Н. Бибиков. Бунин встречался с ним в Харькове в это время. Характер земледельческих учебных заведений мог быть известен ему и по рассказам Бибикова.

публикация: 1899). Роль корреспондента городской газеты, которую Бунин исполнял несколько лет, обыгрывается не без иронии. При этом, несмотря на подробности, она проходит через сюжет по касательной, придающим объема дополнением, не задевая основных мотивов:

Корреспонденции увеличивают мое жалование в земской управе рублей на восемь, на десять в месяц, и я аккуратно сообщаю в «Летопись» обо всех выдающихся городских событиях. С кривой улыбкой я пишу газетным жаргоном о положении народной столовой и чайной <...>. Пишу о том, что сельскохозяйственное общество «заслушало» и «передало в комиссию» чрезвычайно любопытный доклад под заглавием: «К вопросу об урегулировании свиноводства» <...> [13, с. 150].

Еще один мотив с автобиографическим подтекстом из рассказа «Вести с родины» — встреча Волкова с Иваном Трофимычем, идущим «из конторы» поздно вечером, поскольку по весне приходится подгонять отчеты. Иван Трофимыч зол и называет эту практику подлостью и бессмыслицей [13, с. 30]. Вероятнее всего, речь идет о земской статистике и годовом отчете. Эта работа хорошо знакома Бунину по службе в Статистическом бюро Полтавской губернской управы (вопреки сложившемуся в литературе мнению, следующему за «Жизнью Бунина», писатель не входил в штат Статистического бюро, но выполнял для него какие-то оплачиваемые работы).

Ряд мотивов с автобиографическим подтекстом проявляется и в воспоминаниях Волкова. Его детская дружба с крестьянским мальчиком Мишкой Шмыренком напоминает о страницах «Жизни Бунина», посвященных приятельству Вани с крестьянскими детьми. Ср. текст «Вестей с родины»: «У Мишки болели с лета губы от лопухов и козельчиков, и боялись, что это пристанет к барчуку. Но Мишка успевал-таки иногда удрать в хоромы. Вечером он внезапно влетал в детскую. <...> Нянька с неудовольствием поглядывала на него, грязного от сажи, оборванного и взлохмаченного. Но Митя испускал при его появлении звонкий крик, настаивал, чтобы Мишка непременно остался с ним в детской на ночь» [13, с. 34] — и текст «Жизни Бунина»: «С самого детства Ваня стал водиться со сверстниками, сначала с пастушатами, а затем и с ребятишками из Выселок, которые находились в версте от Бутырок. Бывали они и у него в гостях, бывал и он в их избах.

С некоторыми из ребят он очень дружил, а одного так полюбил, что требовал, чтобы он оставался у него ночевать, что порой возмущало их строгую, чинную няню» [17, с. 11]. Даже если иметь в виду, что на биографию, написанную Муромцевой-Буниной, влияли художественные тексты ее мужа (впрочем, скорее «Жизнь Арсеньева», чем ранние рассказы), само повторение сюжета в биографии знаменательно.

Такого же рода детали — для объемности изображения — используются в рассказе «Учитель» (первоначальное заглавие «Тарантелла (Из жизни деревенской интеллигенции)»; авторская датировка: 1894; первая публикация: 1896). В начале вскользь упомянуто, что главный герой пытается стать сочинителем:

Он стал почти ежедневно посылать в губернский город статейки под заглавием: «Родные отголоски» и за подписью: «Ариель». Но из них взяли только пару заметок — о дождях и о несчастном случае на винокуренном заводе [13, с. 49].

Подобной газетной поденщиной Бунин начинал свою литературную карьеру¹². Винокуренный завод (впервые как незначительный мотив он появляется в «Вестях с родины»: Мишка Шмыренков идет с обозом в город, а на санях обоза навалены бочки с винокуренного завода¹³) и все связанное с ним неплохо знакомо Бунину, так как в селе Васильевском (другое название Глотова, сыгравшего важнейшую роль во всей дореволюционной жизни Бунина) находился винокуренный завод помещиков Бахтеяровых. Старший брат Бунина Евгений женился на приемной дочери О.К. Туббе, служившего на этом винокуренном заводе. Таким образом, быт винокуренного завода Ивану Бунину был хорошо знаком даже по семейным разговорам. Это знакомство отражается и в дальнейшем тексте рассказа:

12 С.Н. Морозов полагает, что корреспонденция в «Орловском вестнике», рассказывающая об отсутствии в селе Васильевском постоянной медицинской помощи и о гибели двух рабочих, копавших песок для имения Бахтеярова (Орловский вестник. 1888. 4 мая. № 58. С. 2. Без подписи), принадлежит перу И.А. Бунина.

13 В первой публикации упоминался (в письме) еще и старший сын винокура, который постоянно ездит в дом Волковых [15, с. 127]. Таким образом, между дворянской семьей Волковых и семьей винокура устанавливались дружеские отношения, как между Буниными и Туббе.

Учитель дичился, а заводские все были друг с другом запанибрата, — все жили дружно, одними интересами, часто бывали друг у друга, пили портвейн и закусывали сардинами, танцевали под аристон, а после играли в «шестьдесят шесть». Старшие рабочие на заводе и в очистной, здоровые мужики в фартуках, отличались во всем грубой решительностью и собственным достоинством [13, с. 51]¹⁴.

Еще одна деталь с автобиографическим подтекстом — театрально-литературные разговоры в гостиной помещика Линтварева, которые слышит сельский учитель:

Трипольские с восторгом рассказывали об игре Заньковецкой в Петербурге, бранили Мазини, хвалили Фигнера... рассказывали про своих знакомых, про Толстого, про поэта Надсона. Как будто желая описать, какой он милый и больной человек, княжны рассказывали, что он у них был в гостях, а потом они его навестили в Ницце [13, с. 68].

Здесь сильнейшие литературные интересы юного Бунина (Толстой и Надсон) соединились с его же театральными вкусами, которые начали формироваться в Орле (с творчеством М.К. Заньковецкой он познакомился в декабре 1890 г. в Орле и восторженно писал о ее игре брату Юлию; там же, вероятно, ему удалось послушать кого-то из оперных звезд, приехавших с концертами), а окончательно сложились в Одессе, где он получил возможность посещать оперный театр, в котором выступали все российские и гастрوليрующие заграничные певцы. Вместе с Анджело Мазини (выдающимся итальянским тенором, регулярно выступавшим в России) Бунин, как сказано в интервью «Русским новостям» 1946 г., выступал на одной сцене в одном из сборных литературно-театральных концертов 1890-х гг. Выдающийся русский тенор Н.Н. Фигнер предпочтен в этом рассказе Мазини, возможно, из патриотических соображений.

¹⁴ В первоначальном тексте этот пассаж был значительно шире: о различных рабочих завода говорилось подробнее; упоминались жены заводских, которые тоже жили между собою дружно. Итоговый же вывод связывал завод и барское имение: «В общем же, учитель дичился этой своеобразной жизни, которая казалась ему насквозь проникнутой каким-то особым духом большого барского имения» [15, с. 49].

В рассказе «На даче» (авторская датировка: 1895; первая публикация: 1897), в центр которого поставлена фигура толстовца Каменского, использован опыт, полученный Буниным из общения с полтавскими толстовцами. Каменскому передана внешность И.Б. Файнермана («духовного наставника» Бунина)¹⁵, а манера разговаривать — по-видимому, взята от И.М. Клопского, другого известного толстовца из Полтавы. Оба эти человека, а также некоторые другие полтавские толстовцы яркими чертами даны в воспоминаниях Бунина о Л.Н. Толстом, которые позднее вошли в «Освобождение Толстого» и книгу «Воспоминания». В этом случае хорошо видно, как далеко ушел писатель от записи «типов», встреченных в жизни. Теперь он соединяет две характерные черты двух разных людей в одном персонаже, усиливая тем самым восприятие толстовства как явления.

Второй герой рассказа Гриша совсем далек от молодого Бунина, но тяга к толстовцу у него вполне бунинская, как и мотивация обучения ремеслу (Бунин учился бондарству у Фейнермана — вполне возможно, размышляя именно так¹⁶):

Ему давно хотелось узнать какое-нибудь ремесло и потому, что это полезно для здоровья, и потому, что когда-нибудь будет приятно показать, что вот он, образованный человек, умеет работать и простую работу [13, с. 106].

Гриша учится столярничать, это один из вариантов толстовского инварианта.

Два более сложных случая встречаем в рассказах «Байбаки» и «На край света».

В рассказе «Байбаки» (первоначальный подзаголовок: «Из быта мелкопоместных»; авторская датировка: 1895; первая публикация: 1896) автобиографически окрашенных деталей чрезвычайно много; можно ска-

15 См. в «Освобождении Толстого»: «<...> громадный еврей, похожий на матерого русского мужика <...>» [11, с. 78]. В рассказе: «<...> высокого мужика с русской бородой, с открытым лицом и ясным взглядом больших голубых глаз на выкате» [13, с. 106].

16 Единственное авторское объяснение занятий бондарным ремеслом встречаем в «Освобождении Толстого», здесь оно литературно-метафорично: «<...> в жизни трудами рук своих: я был у него подмастерьем, учился набивать обручи. Для чего мне нужны были эти обручи? Для того опять-таки, что они как-то соединяли меня с Толстым, давали мне тайную надежду когда-нибудь увидеть его, войти в близость с ним» [11, с. 78]. Молодой Бунин должен был иметь иное объяснение, проще и прагматичнее.

зять, что этот рассказ — своеобразная ода отцу, наполненная любовью и жалостью. Яков Петрович живет в разоренной усадьбе. Дочь и жена — в городе у его зятя («Вот уж около полугода он не видал ни жены, ни дочери...» [13, с. 85]). Ситуация очень похожа на ту, в которой оказался Алексей Николаевич Бунин после продажи Озёрок: его жена поселилась у сына Евгения в Ефремове, сам же он вынужден был жить в Каменке у сестры — упоминавшейся выше Варвары Николаевны Буниной.

Помимо уже приведенных воспоминаний о Крымской кампании — центрального события отцовской жизни, как и жизни обоих героев рассказа, в произведение введена любимая песня отца «Что ты замолк и сидишь одиноко?», исполнявшаяся (как и в рассказе) на два голоса. Об этой песне очень тепло вспоминает Бунин в записной книжке 1951 г. [8, с. 572–573]. Ее текст приводит и В.Н. Муромцева-Бунина в книге «Жизнь Бунина» [17, с. 20–21]. Песня — основа элегических смыслов, своеобразный камертон рассказа.

Еще одна автобиографическая деталь этого рассказа связана с зимним пейзажем: «Сугробы под окнами почти прилегают к стеклам и возвышаются до самой крыши. От этого в кабинете стоит какой-то странный, бледный сумрак...» [13, с. 106]. О метелях, заносящих имение и сад до верхушек деревьев, Бунин рассказывает в письме А.А. Коринфскому от 18 ноября 1895 г. [16, с. 17], а затем, через много лет, похожая деталь попадет в «Жизнь Арсеньева»¹⁷.

Таким образом, практически весь рассказ построен на основе воспоминаний автора. При этом они (в отличие от публикаций в «Орловском вестнике») не маркированы как автобиографические и выполняют исключительно роль литературного материала: рассказ напечатан в петербургском журнале «Новое слово» и ориентирован на всероссийского читателя, который не сможет прочесть ни одного намека на отца автора. Перед нами масштабное «письмо с натуры» — уже без какой бы то ни было автобиографической игры, — составляющее практически весь сюжет.

Рассказ «На край света» (первоначальный подзаголовок: «Из записной книжки»; авторская датировка: 1894; первая публикация: 1895) тоже

17 Ср.: «<...> какое-то зимнее утро, когда случилось нечто действительно замечательное: проснувшись, мы увидели странный сумрак в доме, увидели, что со двора застят что-то белесое и невероятно громадное, поднявшееся выше дома, — и поняли, что это снега, которыми занесло нас за ночь и от которых работники откапывали нас потом весь день» [7, с. 20–21].

представляет собой цельное письмо с натуры — но не по воспоминаниям детства, а по непосредственным впечатлениям от служебной поездки в компании с известным статистиком Д.М. Зверевым (первоначально рассказ посвящался ему, позднее автор снял посвящение) в село Великий Перевоз Полтавской губернии, откуда тронулось на Дальний Восток — в рамках государственной программы переселения — чуть не полсела. Этот рассказ благодаря актуальности тематики на протяжении десятилетия был самым известным текстом Бунина. Типологически близки к этой форме текста, состоящей из единой натурной зарисовки, развернутой во времени, и травелогии молодого Бунина («По Днепру: Из письма», авторская дата и первая публикация: 1895; «На Донце», авторская датировка: 1895, первая публикация: 1897; «Казацким ходом»; авторская дата и первая публикация: 1898) — в силу специфики жанра.

Наконец, еще сложнее использование автобиографических элементов в рассказе «Без роду-племени» (первоначальный подзаголовок: «Из повести о современных людях»; авторская датировка: 1897; первая публикация: 1899). В нем соединяется две или три серии автобиографических мотивов. В каждой из серий автобиографические штрихи перемешаны с мотивами сочиненными.

Первая серия мотивов связана с социальным статусом главного героя, его службой и местом действия. Дело происходит в каком-то малороссийском городе, очень напоминающем Полтаву, в которой Бунин прожил около двух лет. Герой служит в земской управе (как и Бунин), одновременно пишет для городской (возможно, региональной) газеты корреспонденции. Здесь, вероятно, соединились опыт работы Бунина в «Орловском вестнике» в годы, предшествовавшие Полтаве, а также написание ряда корреспонденций о полтавской жизни для «Киевлянина». При этом герой живет в этом городе один (а не с невенчанной женой, как было у Бунина), играет на скрипке в дворянском клубе (Бунин ни на одном инструменте не играл) и скучает от одинокой жизни в бедной студенческой комнатке. Здесь, возможно, тоже сказался опыт орловской жизни, так как в Полтаве писатель жил в семейном кругу — с В.В. Пашенко и Ю.А. Буниным; они снимали дом. Широкие знакомства старшего брата в кругах земства и местной интеллигенции, надо думать, делали их повседневную жизнь совсем не однообразной.

Вторая серия мотивов связана с темой несчастной любви. В дворянском клубе герой знакомится с Зиной, принадлежащей к высшему кругу городского общества. Девушка в рассказе имеет более высокий социальный статус, чем имела в Орле (и даже в Ельце) В.В. Пашенко¹⁸. Однако переживание героем ее свадьбы с другим использует автобиографический подтекст — прежде всего, в психологическом плане, но также и в отдельных совпадающих деталях. Как известно, Пашенко сбежала из Полтавы в Елец, где вышла замуж за друга Бунина А.Н. Бибикова. Здесь свадьба происходит в том же малорусском городе, что усиливает отчаяние героя. Он не ходит на службу (как и Бунин после бегства Пашенко), не способен ничем заниматься; наконец, уезжает из Полтавы тем же путем, каким несколько раз ездил в Полтаву и из Полтавы вместе с ней. Мелкие штрихи с описанием железнодорожного вокзала Курска («Помню даже, как смотрелся в зеркало на вокзале в Курске и думал, что похож на Шопена <...>» [13, с. 156]) тоже взяты из личных воспоминаний¹⁹. Показателен и железнодорожный сюжет сна (с эротическим подтекстом), которым открывается рассказ: роман Бунина с Пашенко протекал частично в поездах из Орла в Елец и обратно. Железнодорожная эротика позднее будет передана Арсеньеву: его сближение с Ликой происходит в поезде, идущем из Ельца в Орел. Еще у Зины нет поэтического чувства: эпизод, в котором она и ее отец совершенно не чувствуют стихов, напоминает эпизод-близнец в «Жизни Арсеньева».

Однако в любовный сюжет внесено некоторое количество черт, напоминающих и о следующей важной любви Бунина, его первой официальной жене. Отец Зины — доктор, как и отец Варвары Пашенко, но матери, в отличие от Пашенко, у нее нет — есть мачеха, как у А.Н. Цакни: «<...> болтливая, молодящаяся дама <...>» [13, с. 151]. Да и красота Зины скорее напоминает о романтической внешности А.Н. Цакни, чем о более простой на вид В.В. Пашенко: «<...> высокая девушка с темно-синими глазами и длинными ресницами» [13, с. 151]. Эпизод с женихом кажется бунинской самоиронией

18 Тут можно вспомнить еще один любовный сюжет из биографии Бунина: его краткосрочное увлечение (с конца 1897 г. до середины июня 1898 г.) Катериной Михайловной Лопатиной, девушкой из московской культурной семьи и потомственной дворянкой.

19 В дальнейшем вокзал Курска неоднократно фигурирует в железнодорожных переездах Арсеньева, в том числе и во время его совместного путешествия с Ликой в малороссийский город. Элегическое переживание железнодорожных поездок в эмигрантском романе очень напоминает общей оркестровкой этот ранний рассказ.

ей над приготовлениями к его собственной свадьбе: «Я бродил по городу и, когда однажды встретил жениха, приехавшего с какими-то картонками в коляске, остановился и расхохотался. Катается на чужих лошадях и доволен! Как домой, является в чужую семью, где портнихи и белошвейки завалили все комнаты материями и выкройками!..» [13, с. 148]. Рассказ был послан в редакцию журнала «Мир Божий» в начале октября 1898 г., почти сразу после свадьбы Бунина с А.Н. Цакни (23 сентября 1898 г.), так что эти штрихи сделаны Буниным по самым свежим следам. Использованный прием типологически напоминает соединение черт двух разных толстовцев в одном персонаже. Разве что здесь все автобиографические детали более личного свойства.

Третья группа автобиографических мотивов менее обширна: она использует жизненные обстоятельства автора. Рассуждение о бесприютности и разорившейся помещичьей семье («Северный уездный городок, где осталась моя семья, разорившаяся помещичья семья, был от меня далеко, и я не понимал тогда, что потерял последнюю связь с родиной. Разве есть у меня теперь родина? Если нет работы для родины, нет и связи с нею. А у меня нет даже и этой связи с родиной — своего угла, своего пристанища...» [13, с. 156]) добавляет элегического колорита всей рассказанной истории. Герою надо уехать из ставшего ненавистным малороссийского города, но ехать ему, по сути, некуда. Этот момент созвучен рассуждениям Бунина из художественных и нехудожественных текстов разных лет о том, что у него никогда не было собственного дома.

Итак, ранний Бунин опирается не столько на мотивно-сюжетные штампы, как большей частью бывает с начинающими писателями, сколько на «письмо с природы». Основой его сюжетов становятся живые, как бы подсмотренные, сценки и как бы подслушанные диалоги. Примерно с середины 1890-х гг. центр его творческого процесса — развернутые очерки-репортажи, представляющие цельное «письмо с природы» — как бы долго снимаемое камерой одним планом (если кинематографическая метафора приемлема для литературы докинематографической эпохи). «На край света» — центральный рассказ этого периода не только с точки зрения идейной, но и с точки зрения писательского мастерства. Жанр травелога очень близок этой поэтике и органически входит в творчество Бунина в эти же годы. Обилие автобиографических деталей, используемых Буниным в ка-

честве «натурного» материала и кочующих из рассказа в рассказ в зависимости от задачи, служит дополнительным подтверждением глубокой самостоятельности его самого раннего творчества. Эта (сформировавшаяся за первое десятилетие писательства) «натурная» поэтика, усложняясь и модифицируясь, сохранится и на всех последующих этапах творчества Бунина. Важную роль — вплоть до последних десятилетий — будут играть в нем автобиографические «типы» и детали.

Список литературы

Исследования

- 1 Крутикова Л.В. Иван Бунин // История русской литературы: в 4 т. Л.: Наука, Ленигр. отд-ние, 1983. Т. 4. С. 635–666.
- 2 Кучеровский Н.М. И. Бунин и его проза. Тула: Приокское книжное изд-во, 1980. 319 с.
- 3 Мальцев Ю.В. Иван Бунин. 1870–1953. [М.]: Посев, 1994. 432 с.
- 4 Пономарев Е.Р. Жанровый генезис и сюжетология ранней прозы И.А. Бунина // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 4. С. 178–193. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-178-193>
- 5 Пономарев Е.Р. Преодолевший модернизм: Творчество И.А. Бунина эмигрантского периода. М.: Литфакт, 2019. 340 с.

Источники

- 6 Бунин Ив. Без роду-племени // Мир Божий. 1899. Апрель. С. 19–33.
- 7 Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность. Первое полное издание. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. 388 с.
- 8 Бунин И.А. <Записная книжка № 8> // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Т. 110: И.А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 2 / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов; ред. Т.М. Двинятина, Е.Р. Пономарев. С. 566–578.
- 9 Бунин И.А. Мелкопоместные // Орловский вестник. 1891. 27 октября. № 285. С. 2; 29 ноября. № 317. С. 2; 8 декабря. № 326. С. 2–3; 13 декабря. № 331. С. 2–3; 17 декабря. № 335. С. 2–3; 22 декабря. № 340. С. 2.
- 10 Бунин И.А. Неожиданность // Русское богатство. 1895. № 6. С. 123–132.
- 11 Бунин И.А. Освобождение Толстого. Paris: YMCA-Press, 1937. 255 с.
- 12 Бунин И.А. Первая любовь. Из воспоминаний детства // Орловский вестник. 1890. 13 февраля. № 26. С. 2; 14 февраля. № 27. С. 2–3.
- 13 Бунин И.А. Полн. собр. соч.: [в 6 т.]. Пг.: А.Ф. Маркс, 1915. Т. 2. 247 с.

- 14 Бунин И.А. Помещик Воргольский // Орловский вестник. 1892. 3 июня. № 143. С. 2; 4 июня. № 144. С. 2–3; 5 июня. № 145. С. 2; 6 июня. № 146. С. 2.
- 15 Бунин И.А. Тарантелла (Из жизни деревенской интеллигенции) // Новое слово. 1896. № 7. С. 45–93.
- 16 Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1: 1870–1909. 943 с.
- 17 Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Париж: Б. и., 1958. 171 с.
- 18 Чубаров [Бунин] И.А. Шаман и Мотыка // Орловский вестник. 1890. 26 июня. № 151. С. 2; 27 июня. № 152. С. 2–3.

References

- 1 Krutikova, L.V. “Ivan Bunin” [“Ivan Bunin”]. *Istoriia russkoi literatury: v 4 t. [History of Russian Literature: in 4 vols.]*, vol. 4. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 635–666. (In Russ.)
- 2 Kucherovskii, N.M. *I. Bunin i ego proza [Ivan Bunin and His Prose]*. Tula, Priokskoie Publ., 1980. 319 p. (In Russ.)
- 3 Maltsev, Iu.V. *Ivan Bunin. 1870–1953 [Ivan Bunin. 1870–1953]*. [Moscow], Posev Publ., 1994. 432 p. (In Russ.)
- 4 Ponomarev, E.R. “Zhanrovyyi genezis i siuzhetologiya rannei prozy I.A. Bunina” [“Genre Genesis and Plot Theory of Ivan Bunin’s Early Prose”]. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 4, 2022, pp. 178–193. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-178-193> (In Russ.)
- 5 Ponomarev, E.R. *Preodolevshii modernism. Tvorchestvo I.A. Bunina emigrantskogo perioda [Overcoming Modernism. The Activity of I.A. Bunin of the Emigrant Period]*. Moscow, Litfakt Publ., 2019. 340 p. (In Russ.)